

Юрген Байконур

Утро не судное

16+

Юрген Байконур

Утро не судное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43268407

SelfPub; 2023

Аннотация

Приверженность ментальным стереотипам, равно как корыстные хитрость и неискренность, приводят к удивительным зигзагам судьбы, абсурдной, гротескной коммуникации. Никакими ухищрениями и мимикрией невозможно скрыть истинный внутренний мир человека, и внешним наблюдателем оценивается именно он. Только в достойных намерениях кроется возможность успешного взаимодействия с чуждым нам миром. Герои книги оказываются в весьма сложных, порой гротескных обстоятельствах, каждый из них вольно или невольно получает свое.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	53
Глава 12	59
Глава 13	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юрген Байконур

Утро не судное

Глава 1

Неухоженный подъезд, лестничная площадка. Дверь приоткрылась медленно, как бы нехотя. Пятясь, выдвинулся фасадной частью Валерий Сюньков, сотрудник журнала «И так далее», избравший себе псевдоним Пил Игримов. Стоя на площадке, он настойчиво и небезнадёжно пытался удержать дверь, стремящуюся закрыться резко и решительно. Валерий проявлял настойчивость. Таинственная личность, находящая по ту стороны баррикады, упорствовала и, похоже, побеждала. И тут Пил Игримов взмолился: «Поймите... Материал о помилованных – это не мой каприз! Читатели ждут продолжения!» Но суровый голос из-за двери подчеркнул однозначность ситуации: «Ждать не вредно! Спасибо! Помилуйте... Хоть в петлю! Писатели!»

Дверь резко закрылась. Валерий потряс уставшей кистью, только что сжимавшей сохранявшую надежду на продолжение беседы дверную ручку, с досадой сплюнул на нечистый пол и решительно двинулся вниз по лестнице. «Я её что ли нарисовал? Художники!» – так странно он прокомментировал инцидент.

А его визави, немолодой мужчина в мятых потасканных спортивных брюках и майке не первой свежести, испытывая лёгкое чувство победы, решительно повернул ключ, подумал и не менее решительно водрузил на место предохранительную цепочку. «Хрен вам всем!» – лаконично пробормотал он и пошёл в комнату. Не без опаски подошёл к зеркалу, повернулся к нему спиной и, отчаянно вывернув голову, стал осматривать плечи. Татуировка – загляденье: крупная ярко-цветная ящерица. Мужчина отвернулся, размял движением головы шею и вернулся к осмотру. «Переползла... Не понравилось на спине?.. Место ищешь под солнцем? Нет здесь места. А остальная живность? Скушала? Может, и меня? Лучше бы я не опоздал на тот поезд!» – ворчал он дружелюбно и жалобно. Состояние его было близким к истерическому. Было от чего – ящерица слегка пошевелила головой и двинула хвостом.

Валера резво выскочил из подъезда, оглянулся на вычисленное заранее окно грубияна и, в глубине души слегка переживая поражение, быстро направился в сторону автобусной остановки. Он досадовал по поводу творческой неудачи и успокаивал себя мыслью о том, что свет клином не сошёлся на этом дёрганом типе. Трудно ему объяснить, что в течение сорока минут забыть перекрыть воду в кранах, а потом неожиданно об этом вспомнить, положить в холодильник ключи от квартиры, с трудом их найти, а затем, на выходе, один из них сломать, сесть не на тот автобус, подвергнуть-

ся на вокзале нападению инвалида-попрошайки, попасть в милицию, а там выяснить, что паспорт остался дома, – это слишком много. Но именно это «слишком многое» позволило ему тогда опоздать... Трудно объяснить!

Ох уж мне эти аномалии! И у меня случаи были. Студентами пьянствовали. Пошёл я за бутылкой. Через мост – время теряю. Понёс меня чёрт через железнодорожные пути. Товарный состав стоит. Оттепель, снег, естественно, подтаявший. Скользко, то есть. Решил под вагоном пролезть. Сам я – в длинном пальто, модном. Что-то остановило, за ворот удержало. Стою я и не могу шевельнуться. Даже как-то неловко стало – наваждение? А поезд в тот момент и тронулся. Не выскочил бы я из-под вагона в том пальто. Получается, я тоже помилованный? Да таких помилованных... Шестое чувство, интуиция... Мне моё шестое чувство подсказывает: если пошла чёрная полоса, надо просто переждать, и ворота в полосу светлую сами откроются. И остаётся только уповать на философский смысл окраски зебры.

Поток сознания стремился к бесконечности, закручивались пенистые буруны, вздымались волны, где-то близко зарождался девятый вал, как вдруг кто-то нежно и одновременно цепко подхватил Пилигрима за локоть. Валерий не сбавил шаг, его неожиданный попутчик следовал рядом, и со стороны было странным наблюдать, что гражданин, так ловко пристроившийся к почти бежавшему разработчику новых творческих и финансовых проектов, шёл, еле передвигая но-

ги, лениво, не проигрывая при этом в скорости передвижения. Впрочем, это мог быть обман зрения.

Попутчик, несмотря на приличную жару, одетый в длинный серый плащ, не скрывающий худощавую фигуру, при шляпе, продолжая поддерживать Пилигрима пол локоток, громко зашептал ему на ухо: «Валерий Сюньков? Он же Пилигрим? Валерий... Только не останавливайтесь, только вперёд. Прошу вас!»

Валерий остановился.

Мужчина тоже остановился, досадливо сморщился и сокрушённо покачал головой. Он говорил с укоризной и быстро:

– Что же вы так... Вся конспирация – насмарку! Впрочем, приземлённые наблюдатели нас не интересуют...

Незнакомец широко улыбнулся, приветливо приложил два пальца к шляпе и даже изобразил нечто напоминающее щёлканье каблуками. Пара мешала прохожим. Несколько озадаченных и спешащих граждан их слегка толкнули. Мужчина бережно приобнял Валерия, осторожно подвёл к кромке тротуара. Женя лихорадочно прокачивал ситуацию, она упрямо не прокачивалась. Незнакомец заговорил:

– Разрешите представиться. Женя. Можно Женька. Можно Женечка. Можно Евгений. Можно Иннокентий Лазаревич. Смотря какому случаю подходит...

Валерий думал. Он посмотрел на прохожих, на стайку голубей неподалёку, на свои изрядно поношенные туфли – ни-

где поддержки на экстренный случай не просматривалось. А случай мог, он чувствовал, перерасти в экстренный. Потому он и посмотрел на незнакомца так, как мог посмотреть только он – с недоумением, ожиданием, надеждой и уважением. Женя оценил этот взгляд и удовлетворённо хмыкнул.

– У меня к вам дело! Огромной важности, – быстро сказал он почему-то явно небрежно. – Дело – не терпящее отлагательств и надругательств над моим собственным достоинством. Мы – деловые люди. Уверен, мы поймём друг друга!

Валерий только и произнёс:

– Я к вашим услугам...

Женя всем своим видом показал, что он восхищён такой выдержкой. В его глазах – одобрение и торжественность. Сунул руку в карман. Валера забеспокоился. Женя достал из кармана диктофон, нажал кнопку – включил. Треск, шум, обрывки классической музыки. Женя с удивлением и досадой пожал плечами:

– Надо же! Хотел, чтобы торжественно... Специалисты речь подготовили... А тут – такой конфуз. – На мгновение задумался, сунул диктофон в карман и решительно продолжил: – Мне нужно... Мне нужно, образно говоря, завладеть одной... не принадлежащей мне вещью. Мне, конечно, стыдно. Но ради успеха нашего общего дела я стараюсь преодолеть это противоречивое чувство. А взамен я предоставлю вам много других, не принадлежащих вашей уникальной персоне вещей. Идёт? По рукам?

Валерий был удивлён таким содержательным и прямолинейным предложением. В глубине дремлющего сознания проснулся, зашевелился и осмотрелся по сторонам его величество азарт. Со стороны их дальнейшая беседа выглядела как немой диалог с живой жестикуляцией. Женя понимающе кивал. Валерий загибал пальцы сначала на правой руке, затем на левой. Видимо, условий, выставленных им в обмен на участие в дерзком предприятии, было немало. Пальцев не хватило. Женя услужливо протянул свою руку.

Глава 2

Антон шёл по битому кирпичу, перемешанному с кусками битума, размякшего от жары. Желтовато-чёрная с блёстками смесь прилипала к ботинкам. Приходилось время от времени очищать подошвы, что отвлекало и нервировало. Что это за труба? На десятки километров вокруг нет ни одной стройки или заводика захудалого. Она тянулась метров на сорок. С ее поверхности свисали лохмотья пергаментно-битумной изоляции. Ещё не ржавая. Труба – справа, солнце – слева. Может, перелезть на ту сторону, в тень, что жариться-то? Скользко, грязно... Дойду, не растаю.

Это могла быть какая-нибудь брошенная стройка. Здесь-то? Во всяком случае, работы велись не так давно: коррозия металл почти не тронула... Ах, какие мы наблюдательные! А если отсутствие коррозии есть результат воздействия? Может, это просто очередной реквизит?

Теорий много родилось. Есть и у меня некоторые мысли. Я, конечно, людей смешить не хочу, но и молчание в данном случае не золото. Кто нас наказывает? Или проверяет? Хозяин? Сидел он на крыльце своего дома небесного и услышал возню в кустах, на Земле то есть. И запустил туда, в кусты, камнем или какой другой штуковиной, что под руку попала. Взвизгнуло что-то и убежало – то ли собака, то ли кошка, то ли человек какой бестолковый. А он сидит и ждёт, когда к

нарушителю спокойствия раскаяние придёт или понимание, что, на мой взгляд, одно и то же. И пока никаких мёр не принимает. Пока.

А в кустах этих мы – главные. И не пристало нас камнями или хлыстами воспитывать – взрослые уже. Но, если мы главные и взрослые, значит, мы за всё в ответе. Скажем мы так хозяину? Если скажем, то и разговор завяжется. А если не скажем? Тогда, получается, не в ответе? Кто мы тогда? И как к нам относиться?

Плохо, когда выхода нет для одного, даже для многих. Но когда нет выхода для всех? Этот Город... Не можем мы ничего сделать, ровным счётом ничего. Ни пулей, ни бомбой, ни лаской, ни обманом. И даже сдать на милость победителя не получится.

Помню, как нас после эксперимента на выживание построили – тощих, голодных, обгоревших чуток. И сказали, мол, видите: человек может всё, даже невозможное. Но чуть позже очкарик какой-то мимоходом добавил: да, может, но когда есть надежда или мотивация сверхповышенная. Тогда каждый из нас, выживающих, знал, что пройдёт время, и мы вернёмся к нормальной жизни. А, если кто и не вернётся, сгинул не зря. Да и силком никто не тянул, это тоже немало важно.

Но, если «выживающему» сказать, что будет только так и всегда, как он себя поведёт? Будет ли он философом или, например, законопослушным гражданином? Особенно, если

внутренне содержание подкачает. И ведь подкачает! Кто в себе уверен? Не думаю, что многие.

А если кто и уверен, если не трепло, то имеет в виду этот самоуверенный экстример, ситуации, так сказать, апробированные. А если лавина пошла неожиданно? И человек с ней ранее никогда не встречался – даже в мыслях? А если это не лавина, а прёт с горы что-нибудь совершенно непонятное, уродливое, разноцветное, с растопыренными ветвями вместо рук или лап, никогда ранее не виданное? И при этом не поймёшь, чего ожидать-то – весёлого розыгрыша или ножа в спину?

И тут Антон замер – глухой чмокающий звук. То ли из трубы, то ли из-за трубы. И надо бы упасть. Но ведь потом не отстираешься. Антон стал спиной к металлу. На земле – тень. Но ведь солнце в лицо. Тень – расплывчатая, чуть справа. Попытался повернуться – не получается. Спина словно прилипла к трубе – как магнитом припечатало. Теперь точно не отстираешься! И воздух – густой, как в русской бане. Опять чмокнуло.

Он вспомнил, как ругались эксперты. «Что вы мне говорите? Воздух стал гуще и теплее? А давление, радиация, ионизация, скорость ветра... Так же нельзя работать!», – распекал один. А второй ему отвечал: «Ты, как приехал, неделю из домика не вылезает, а коэффициент к зарплате идёт, значит, можно...»

Спина застыла – не шевельнуться. Спина – спиной. Но

руки свободны. Антон достал пистолет, заслал патрон. Подумал при этом: а на хрена он мне нужен? И зачем вообще здесь оружие? Инструкция! А какой идиот... Да какая разница, какой. Я, человек с оружием дружащий, не понимаю, зачем оно здесь нужно. Не то, что трудно, нет – невозможно определить рамки его применения. Ни в качестве защиты, ни в качестве нападения. Нет здесь ни того, ни другого. И не может быть.

Возня идёт сложная, и надо разбираться, делать что-то. Но без оружия. Так я считаю. А что ствол выхватил – это рефлекс. Но палить в белый свет не собираюсь. Другое дело, если придётся его употребить в личных, так сказать, целях. Не хотелось бы стать безответной жертвой какой-нибудь гадости. Или её, эту гадость, успокоить или себя. Но об этом лучше не думать. Надо будет – употребим.

Тень ушла вправо – объект сверху. Антон попытался оторваться – бесполезно. Опять чмокнуло. Ну, зараза! Прилип. Труба начала вибрировать. По спине – мурашки, в глубине, в мышцах – слабые уколы. Антон почувствовал явную головную боль и мягкое прикосновение к... мозгу.

Через мгновение тень на земле распалась на лоскуты, и то, что было тенью, закружилось сначала по земле, затем отделилось от поверхности и чёрным вихрем, состоявшим из кусков тьмы, ударило Антона в лицо, как сильный ветер с песком. На мгновение он увидел свет сквозь рваные клочья и затем почувствовал, что спина более не скованна неведомой

силой. Всё – отключился магнит. Он сделал шаг вперёд, развернулся и одним прыжком, чуть подстраховавшись рукой, заскочил на злополучную железяку. Никого и ничего. Ну и чёрт с тобой, чмокало-глюкало.

Вдали хорошо виден Город. Сегодня виден. Стоит сам по себе, словно выдавленный из песка, и плюёт на всех. Антон не был допущен на объект. Нет, не так: Город его, как и многих-многих других, не принимал. Лишь некоторым он сделал и, возможно, сделает исключение. Припоминается что-то вроде: Объект, прилегающая к нему территория являются составными частями явления, находящегося на такой стадии технологической мощи, что оно не может быть ликвидировано, блокировано или смягчено никакими земными средствами.

А посему, хочешь – утирай плевков, хочешь сам плюй, хочешь бомбу бросай или на танке прорывайся, результат всегда один – никакой.

Глава 3

Она проползает по руке, перебирается через плечо и тихо пристраивается на спине, между лопатками. В зеркале это хорошо видно. Она неподвижна, и лишь веки время от времени слегка приоткрываются и поясняют: не сплю – задремала, всё вижу, слышу, я тебе мешать не буду, но знай – я здесь. Передвижение её не ощущается. Только увидеть можно: то она на спине, если зеркало есть, то на плече, на груди. С того момента, как она появилась, всё другие герои и участники этого жуткого мультика стали исчезать. Она их прогнала, а, может, просто, извините за натурализм, съела. Может же быть такое? Если прогнала, то где же они прячутся сейчас? Под диваном, за шкафом, под ковром... Стоп: надо проверить под ковром. Как она относится к этому поиску? Одобряет? Не одобряет? Или ей вообще до всего происходящего дела никакого нет? Живёт себе, ползает помаленьку.

Хозяин я для неё или среда обитания? Вопрос, конечно, философский, но делать-то что?

Как быть в такой ситуации? Чем закончится поход в больницу – понятно. Посоветоваться с друзьями? Не таким однозначным, хочется верить, будет исход, но с известной житейской вероятностью можно предположить полную неудачу этого зова о помощи. Что делать? Мытьё, протирка спиртом и прочими хорошо зарекомендовавшими себя превентивны-

ми веществами результатов не дали. Может сесть в ванну с какой-нибудь соляной кислотой – разбавленной, конечно? Страшно – больно, наверное... Человек – существо сильное, живучее, многое может вытерпеть. Но этот кошмар! На лице она не появлялась ни разу. Сон поначалу был ужасным, теперь восстановился. Засыпаю и думаю: утром проснусь, а её нет. А внутри голос – спокойный, доброжелательный, немного насмешливый: а куда ж она денется? Куда она от тебя денется? – так и говорит. И добавляет: а ты от неё?

И всё же... Что это? Болезнь? Колдовство? Месть? Повода вроде не было. Ничего странного в жизни моей не происходило. Единственное, что внесло некоторое разнообразие, так шумиха эта журнальная. Да, был случай такой – с женой поругался. Поскандалил даже. И билеты порвал, и деньги швырял, и кричал, и матерился даже, и сказал даже, что думаю. И так решительно сказал, что самому страшно стало – на мгновенье. И чтобы этот страх преодолеть, решил не останавливаться, так сказать на достигнутом. И понёс... Всё высказал. Тоже мне нашли подкаблучника. Пусть не путают со своей мамашей мягкость с мягкотелостью, взвешенность в действиях с трусостью, доброжелательность с заискиванием. Не ожидали от меня такого? Как же тут ожидать: молчит человек и молчит, хоть в морду ему наплюй. Вот и прорвало. Кончилось тем, что развелись. Не знаю, плохо ли хорошо – время покажет. А эта вода, хулиган, милиция... Не попал я на тот поезд. Взрыв – и говорят, и писали – был

страшный. И поездов тех было два, и погибло там – тьма...

А случаев таких, оказывается, немало. Об этом и написали. И меня туда же. И тот гость намекал, что надо бы тому продолжить, интересно, мол, люди звонят, пишут. Но как продолжить, если именно в то утро, когда этот репортёр неожиданный явился, несколькими часами раньше, первые картинки мультяшные и надписи появились. В зеркале увидел. Когда умывался. А затем картинки и слова стали преобразовываться и множиться, как образцы настенного творчества в школьном туалете. И вся эта неожиданная прелесть – в цвете. И всё рисунки передвигаются. Передвигались. Появилась она. Картинок уже через минуту стало меньше. Теперь их вовсе нет. А она есть. Но тогда она их ещё не всё съела. А я ж раздетым вышел, без рубахи имеется в виду. Почему, не могу объяснить? Но не могу я так: один я, совсем один, и тут кошмар этот происходит, с ума можно сойти. Я подумал: может, это всё мне кажется? Вот и вышел.

Он мне про везенье рассказывает – это мне! – а я за глазами его слежу. И вижу: рассматривает он мою галерейную грудь, картинки, то есть. Делаю вывод: настоящие. Но не вижу я ни удивленья, ни отвращенья, ни укора в глазах его только интерес и азарт что ли. Это ж каким надо быть толстокожим, непрошибаемым! Мне даже показалось, что подружке моей ползучей он игриво подмигнул.

Я кое-что читал про загадки всякие, измерения пространственные. И вот что подумал. Если жизнь существует трёх-

мерная, то может же быть она, или какие-нибудь другие жизни, двумерной? Жизнь, так сказать, на плоскости. Может, картинка эти и гостя моя последняя – последняя ли? – это есть та жизнь? Понимаю, нелепость получается. А что ещё может получиться? Понимаю, что надежды на избавление случайное нет. Почти нет. Рано или поздно придётся сделать решительный шаг. В какую сторону – милиции, больницы, журнала этого, будь он неладен, – не знаю, но сделать придётся. Но пока не решаюсь.

И уж вроде набрался сил, взял себя в руки... Утром вчера проснулся, смотрю, а она на стене. Прогуляться вышла. Подползла к розетке, уткнулась в неё носом, как бы принюхивается. Только кончик хвоста слегка подёргивается. Ну что тут делать. Разум мне кричит: беги, беги, другой возможности может не быть. А сердце не пускает. Не пускает и всё. И ничего при этом не объясняет.

И что же я сделал? Протянул я руку к стене, упёрся в неё пальцами. И она медленно по пальцам переползла по кисти и расположилась на предплечье. Кто зайдёт, удивится. Любитель, он же ценитель позавидует. Прекрасная татуировка, скажет, ящерица – как живая. Кто ж такое чудо сотворил, поинтересуется. А я ему не скажу.

Глава 4

Майский дождик обратился вполне приличным ливнем. Хляби небесные разверзлись не на шутку, к счастью, ненадолго. Выглянуло солнышко, резали глаз яркой зеленью мокрые деревья, последние водяные струйки рисовали на пыльном оконном стекле замысловатые узоры. Рой Каташов посмотрел на обнадёживающее небо, перевёл взгляд на узоры, попытался найти в причудливых рисунках закономерность – не получилось.

«Мрачное утро, грустное утро, тяжёлое, нерадостное...» Рой перебрал ещё несколько эпитетов к началу столь содержательно начавшегося дня и остановился на одном: «Дурное утро!»

Последнее время Рой ловил себя на том, что неосознанно подпадает под влияние своего собственного произведения: чаще и чаще «улетает» – в мир, созданный его воображением.

И поначалу легко там было, и если обнаруживался какой дискомфорт, то всё в твоих руках: можно сколько душе угодно переделывать и ваять по собственному усмотрению. Где-то решительно погромсать абзацами и сшить оставшееся. Где-то, пользуясь абсолютной монополией на критику и редакторство, подправить слегка и увести пока ещё несуществующего читателя совсем не в ту степь.

Однако проходило несколько дней, и «швы» уже представлялись грубыми, из-за небрежно перевязанных ниток выглядели уши, за кои он притащил казавшиеся ему оригинальными и необычными обстоятельства. Путь «не в ту степь» оборачивался кюветом, а то и тупиком. И возникал вопрос: а надо ли было нарушать более-менее стройную сложившуюся картину? И ответ рождался всё же утвердительный. Не смотря на всё очевидные и, возможно, ещё невидимые огрехи, сочинение приобретало новые штрихи, новые акценты и новое звучание. То есть вмешательства были не лишними.

И к чему же привёл этот творческий волюнтаризм? А привёл он к тому, что Рой сам залез в такие авторские дебри, откуда его уже не мог вывести даже предполагаемый читатель. Начав с концепции преимущественно философской, он быстро в ней разочаровался – гордыня и тщеславие не лучшие спутники в писательском деле. Хотелось тиражей и известности, со всеми вытекающими отсюда радостями. Перешёл к формату коммерческому.

И опять фиаско. Слепленные неискренней фантазией суровые детективы, стрельба, погони, таинственные архивы, бессмертные диверсанты и ногастые зубодробящие китайцы достали его раньше, чем весь этот экшн приблизился к логическому завершению. Стало горько, противно и... стыдно. Рой плюнул на всё и забросил неблагодарное занятие.

Надо было на что-то жить. Подвернулся этот прохвост

Пилигрим, и Рой после несложной и нетрудоемкой трансформации поделился с активным бездельником несколькими идеями, адаптировав их под журнальный вариант. И понеслось. Автором проекта, конечно, был Пилигрим, и Рой, конечно, не возражал. Он не был штатным работником журнала. Да и светиться в несколько сомнительных, спорных и шумных ракурсах у него не было никакого желания.

Почти полгода давала кушать хлеб с маслом раскрутка темы группы Дятлова. Да, это была эксплуатация извечной тяги к тайне неискущённого читателя. Но надо признать и не без гордости заявить, что направление было отработано творчески, вдумчиво, трудно и... честно. И что немаловажно – пересиливать себя не пришлось. Роя действительно ещё давно заинтересовала мутная история, выглядевшая в разнообразной журнально-телевизионной подаче одной из немногих, действительно достойных внимания.

Во-первых, она было полностью реальна. Во-вторых, сохранилось немало прямых и косвенных свидетельств, позволяющих воссоздать печальную и запутанную картинку прошлого. Кипы писем, копии протоколов, экспертиз, выписки из архивов, фотографии пару месяцев были основной составляющей сновидений, и наступил даже момент, когда граница между реальностью и миром морфея стабильно нарушилась. И казалось бы, вопрос отработан по-джентльменски – без явной пурги, подтасовок и конспирологических витиеватостей. Во всяком случае, так выглядела трактовка со сто-

роны.

Но сам Рой прекрасно понимал, что при правильно выбранной конструкции, при более-менее профессиональном размещении в ней содержания всё равно есть нюансы, которые не позволяют назвать тему закрытой. Предложенный читателю героический финал – только одна из версий. Дело прошлое, и вряд ли доведётся ещё раз вернуться к этой истории.

Затем родилось новое направление. Надо признать, что никакой революционной новизны в нём было. Про везунчиков, назовём их так, опоздавших на поезда, самолёты, корабли, ставшие жертвами катастроф, писалось с избытком. Подмечено, задокументировано, что действительно на почти всех без исключения трагические маршруты процент опозданий и неявок значительно выше среднестатистического. Однако одно дело констатация интригующего факта, другое дело – копнуть это факт глубже и с разных сторон. Упор был сделан на судьбы везунчиков. И там открылось много интересного.

Конечно, на всю эту журнальную шелуху имелся взгляд и иной, отличный от широко открытых глаз наивного и ленивого читателя. Взгляд, так сказать, без протокола. Мы часто путаем объективные события и их субъективную оценку. Немало людей опаздывало на различные транспортные средства и мероприятия самым нелепым образом. Но в памяти и народной молве остались и приобрели особое толкование

именно те случаи, которые получили трагическую окраску: несчастья, взрывы, обвалившиеся потолки...

Но можно ли рассматривать это как везенье или избавление? Ведь живёт человек не одной поездкой, полётом, плаванием и прогулкой. И уж кто знает, отчего избавился и что приобрёл везунчик, если его жизнь рассмотреть в более длительном периоде, без привязки к единичному событию. Но это уже философия, это другая песня и другая история. Но если слегка схитрить и сделать упор на бытовую арифметику, то есть, где развернуться и разгуляться рукастому журналисту.

На страницах журнала фигурировали реальные люди, фотографии, интервью. Процесс трудоёмкий, но и результативный. Став даже ненадолго публичными фигурами, герои расследования вольно и невольно включались в игру, и от этого документально-художественная компания выигрывала вдвойне.

Рой относился ко всей этой активной возне иронично. Но возня давала занятость, если проще – кормила. Получив в свои руки достаточный объём аналитического материала и имея возможность фильтровать необходимый вымысел, откровенное враньё, милое приукрашивание и грубое передёргивание, он всё же согласился с зыбким, спорным, но интересным выводом. Многие везунчики столкнулись после избавления с серьёзной компенсацией в виде не менее нелепого, непредсказуемого и неожиданного наказания. Вывод тре-

бовал дополнительного подтверждения, и Рой без особого усердия формировал статистическую базу. Но делать однозначные выводы он был пока не в праве.

Ажиотаж спадал, и если не кривить душой, вся эта катавасия изрядно надоела. И как-то постепенно, ненавязчиво вновь проснулся интерес к почти заброшенной книге. И вместе с интересом неожиданно выскочила из тёмного угла авторская гордость, которая резко отстранила не такое уж давнее желание пойти по пути коммерческому и настоятельно потребовала твёрдости и самопожертвования. Рой согласился и вернулся к первоначальному проекту, который уже за пару недель его основательно вымотал. Созданный воображением новый образ деформированного расстоянием пришедшего из звёздной глубины сигнала был интересен, но он никак не мог сообразить, как его прилепить к первоначальному варианту своего творения.

Посему разговор с зашедшим «на огонёк» хитромудрым Пилигримом был коротким, чай поспешным, обмен мнениями пустым. Что гостя не так уж смутило. Рой любезно предоставил ему возможность забрать всю электронную почту – пусть сам копается и намекнул, что желает свести своё участие в феноменальном проекте до минимума.

Когда покоритель читательских сердец и умов покинул обитель, Рой довольно долго смотрел на неплотно прикрытую творческой личностью дверь и пытался вспомнить и понять, зачем личность конкретно приходила. Не вспомнил и

не понял. «Чёрт с ними – и с Пилигримом, и с дождём вашим, и с книгой, которая уже достала, и с днём дурным...» Рой плотно закрыл дверь и поймал себя на мысли, что очень хочет не видеть её открывающейся.

Глава 5

Валерий Сюньков в соответствии с инструкциями, полученными по телефону, разыскал пивную. Заведение – не ахти какое, но что поделаешь – вошёл. Быстро нашёл указанное место. Женя сидел за пустым столиком и олицетворял собой безграничное радушие. Приглашающим жестом указал на место справа от себя. Но сесть не на что: там пустое место. Валерий смутился. Женя ловко достал из-под стола солидный офисный стул и царственно указал на него двумя руками. Гость последовал приглашению, был осторожен. Женя посмотрел на часы и повёл себя поначалу сухо и официально:

– Вы удивительно точны. Точность – вежливость ваших королей.

Валерий выдавил из себя улыбку. Не нравилось ему всё это. Но тянуло, ох, как тянуло.

– Вы принесли? – спросил Женя.

Валерий молча протянул ему флэшку. Хотелось от неё избавиться – что уж тут скрывать.

– Прекрасно. Лояльность по отношению к организации – прежде всего. А то – сами знаете... – строго и задумчиво произнёс Женя, помедлил и продолжил: – И мы своё слово держим.

Достал из кармана плаща незапечатанный пакет из грубой

бумаги и протянул его Валерию. Новоиспечённый член таинственной организации не удержался, заглянул – какие-то бумаги и деньги. Хотелось посчитать – никак нельзя. Женя сменил тон на более фамильярный:

– Я рад, что вы решили украсить своим присутствием это приветливое заведение. У меня вопрос первый и, полагаю, для вас неожиданный. Просветите меня: что здесь делают эти люди?

Вопрос обескуражил собеседника. Но молчать нельзя.

– Какие? – осторожно спросил Валерий.

– Эти всё, скрашивающие наше одиночество, – пояснил Женя и окинул взглядом пивную.

– Отдыхают, – кратко ответил Валерий.

– От чего и от кого они отдыхают?

– От жизни, от работы, от семьи, от начальства...

Женя глубоко задумался, достал из-под стола кружку пива, отхлебнул.

– Денег у вас теперь много, можете угостить всех присутствующих. Люди примут это с пониманием и благодарностью. Хотя, мне кажется, лучшим вариантом для них была бы полная и надёжная изоляция от жизни, то есть, от всего того, что вы мне минутой раньше перечислили. По-моему, это называется смерть.

Валерий пытался оценить глубину высказанной мысли, у него это плохо получалось. Помолчу пока, подумал он. Женя от него ответа и не требовал, заговорил сам.

– Я вот поутру стихи набросал, – задумчиво сказал он и прочёл с вдохновением: – Безумству храбрых поём мы песню...

Женя оборвал чтение и с восхищением посмотрел на Валерию.

– Это о вас. И подобным вам. Спасибо вам за то, что вы есть. А я, в свою очередь, полон уверенности, что вы полны благодарности нам за то, что мы есть. За творческий союз!

Женя достал из-под стола второй бокал пива и поставил его перед Валерием. Лихо стукнул по нему своим и душевно отпил. Он был полон восторга и умиления, даже утёр слезу.

Валера был тронут, но он не забывал о поручении нового и весьма неожиданного шефа и как человек дисциплинированный готов был доложить об исполнении. Собственно, и докладывать было почти нечего, но его вины в этом не было. Женя пояснил ему, давая инструкции, что имел место на днях странный казус. Шла женщина по дороге и встретила своего покойного мужа. Дело, в принципе, житейское, как выразился Женя, но женщина та самая упала в обморок и была доставлена в больницу. Вот Валерию и надо было посетить пострадавшую, побеседовать, уточнить детали. Валера, конечно, проникся. Посетил даму, поговорил. И мутная такая история нарисовалась...

– Итак, что там, в больнице? – спросил Женя.

– Представляете, еле к ней в палату пробился. Она в шоке, накололи её лекарствами. Может, привиделось...

– Сердце женское не обманешь, – строго вмешался Женя. – Получается, сбежал стервец.

Женя с досадой стукнул кулаком по столу. Некоторые посетители, кто с осуждением, кто с интересом, на него оглянулись.

– Стервец – это двойник покойника, – пояснил он.

– В каком смысле, простите, двойник? Не понимаю... В каком смысле?

– Понимаю, что ничего не понимаете. Вы – как медведь в берлоге. Дерзайте!

Женя отхлебнул из бокала и продолжил:

– В самом прямом смысле. Человек умер, и вскоре появляется его двойник. Рождается из плазмы – чтобы вам, мой друг, понятней было. Вроде он, но не совсем он. Задачи перед ним стоят всякие непонятные. Такая вот драма разворачивается в подлунном мире. И вот этот с позволения сказать двойник не хочет следовать назначенному предназначению. И жил бы себе спокойно, нет, понесло... Разве так можно? Это же, по меньшей мере, безответственно – нарушать привычные каноны. Люди простились, поплакали, может, порадовались – и такое бывает. А он! Удивляюсь я вам!

Валера поморщился, напрягся. Тяжело. Положил пальцы на пакет с деньгами – на месте.

Женя развивал свою мысль:

– Имейте в виду, коллега, доказательств, что это двойник, нет. Да и существуют ли они на самом деле? Может, это всё

выдумки журналистов и спецслужб. Газеты уже всюду пишут: здесь двойник, там ... Может, мы уже всё – двойники?..

Валерий всё же решил проявить реалистичный подход к беседе.

–Извините, по-моему, эта тема не освещается вовсе, – осторожно вставил он.

– Не пишут? Странно. Будут писать! Но тема, я вам скажу, глубокая и опасная. Такие талантливые люди, как мы с вами, не могут разобраться! Что уж тут говорить про дилетантов. – Женя покрутил головой и как бы вспомнил: – А закусить-то нечем, хоть с голода подыхай!

Он засуетился, достал из-под стола большую тарелку с разнообразной закуской. Извлёк из кармана плаща две алюминиевые вилки. Одну протянул Валерию.

– Вот видите, как приходится работать, – он игриво подмигнул Валерию. – Проблема здесь в том, что скрываемое от общественности настолько само по себе иррационально, а развитие процесса настолько непредсказуемо, что и уводить никого и никуда не надо. Уводить можно от правды, конкретных фактов, реальных свидетельств и документов, прогнозируемой динамики, наконец. А если эти свидетельства, факты и документы настолько далеки от привычной реальности... Это я вам говорю как признанному мастеру кинжала и пера.

Валерию польстила столь высокая оценка его профессиональной пригодности, но он был вынужден про себя отметить, что пока ещё ничего не понял. И Женя ничего не про-

яснил.

– Незаметно уходим, – заговорил он тихо и быстро. – Цель наша высока и благородна – гражданское согласие. Хотя, на кой чёрт? Вы... как мастер, ну, сами понимаете, чего, а может быть и всего, умеете выделять главное. А главное сейчас – это наш генерал. Именно так и именно так точно. Еду к генералу. Доложу ему о вас. Бессмертный легион, когорта, бригада, ну, вы меня поняли!

Женя встал. Валера – тоже. Женя бережно взял его под локоток и повёл к выходу.

На улице стояла большая чёрная машина. Из неё выскочил маленький рыжий мужчина неопределённого возраста, похожий на подростка. Он приветливо и демонстративно услужливо распахнул заднюю дверь. Женя обнял Валеру, сочно поцеловал его в щеку и прошептал: «Вы даже не представляете, насколько я счастлив. Трудно так – одному. Я с вами свяжусь. Непременно». Решительно сел в машину, помахал Валерию ручкой. Машина сорвалась с места, оставив Валерию в глубокой, но оптимистической задумчивости.

Глава 6

Руководитель новоиспечённого подразделения производил положительное впечатление: краток и мозги не пудрит. И что интересно – непредсказуем. Впрочем, это не удивительно: скорее всего, он сам движется в тумане, на ощупь, так что предсказывать нечего. Если предположить, что мне предоставлена минимальная доля информации – иначе и быть не может – и от неё голова кругом идёт, каково тогда его самочувствие? Хотя – лирика это всё...

Игорь Устинов дал себе команду не отвлекаться на пустые рассуждения. Начальник проходил в данной разработке под псевдонимом Гиацинт – тоже, кстати, что-то из области бреда. Игорь посмотрел в интернете, ничего интересного не нашёл: ранний цветок весны – вот и всё. Внешне – неказист, цветок имеется в виду. Никаких зацепок, никаких аналогий.

Гиацинт закончил барабанить пальцами по столу:

– Ну, что, Игорь... Александрович, красивая получается сказка под названием «Дело о помилованных»?

– Туман.

– Иначе быть и не могло. С документами ознакомился?

– Да.

Гиацинт спохватился, подвинул Игорю пепельницу и пачку сигарет.

– Какие соображения? – спросил он.

– Информации мало.

– Приумножай. Тебе и флаг в руки. А предварительно?

– На собеседовании фигурировал термин – «вмешательство». Хорошо подходит.

Шеф слегка занервничал:

– Термин подходящий. Мы стараемся понять... Кто? Что?

Откуда?

– Я бы ещё прибавил «зачем?»

Шеф улыбнулся и укоризненно покачал головой:

– Молодец! Круто берёшь. Как просто быть солдатом?

– Просто, но скучно.

– Голос не мальчика, но мужа. Как сын?

Игорю не понравился переход.

– Пока никак.

Гиацинт:

– Вопросы?

– Этот объект, он же Город, он же ... Это объективно? Не визуальный эффект? Не мираж? Не голограмма?

– Объективно! Как и всё эти коты, двойники, доллары...

– Доллары?

– Они – тоже. Зайди в оперативку – возьми отчёт. И ещё. В Молокамске объявился занятный фигурант. Сбежал из психушки не так давно... Возможно, это самый первый – ещё до изолятора...

– Какого изолятора?

– Повторяю: пойдешь в оперативку – возьми отчёт.

Глава 7

Поздним субботним утром Зоя Сергеевна Кудасова, пенсионерка, старожил старенькой девятиэтажки, женщина безупречной репутации, излагала участковому при форме, врачу при белом халате и какому-то типу в гражданском свои впечатления от этого самого утра. Впечатления были сложными, но, судя по живому заинтересованному взгляду гостя при белом халате, не столь экзотическими, какими они казались двум другим участникам беседы.

Дело, вроде, простое. В подъезде сломался лифт. Забираться на шестой этаж – не сахар, это понятно. Правда, Зоя Сергеевна определяла случившееся как издевательство и перманентную голгофу. Что ж – каждый человек имеет право... Это тоже понятно. Но вот остальные детали и смешили, и тревожили, и порождали странное чувство внутреннего несогласия.

Зоя Сергеевна рассказывала свою историю второй раз – первым слушателем был участковый. Она уже вошла в роль, говорила, как отметил про себя полицейский, более связно:

«Открываю дверь, захожу домой, включила свет в коридоре. Лампочка – пых, бух. Перегорела. Пошла на кухню, взяла из запаса. Всё ж сама, сама... Поменяла – чуть не упала. Включаю, опять – пых, бух. Четыре лампочки ввинтила. Четвёртая – нормальная.

Отдохнула. Почистила картошку. Поставила на газ. Включила счётчик, или как его там – таймер – на плите. Пятнадцать минут – точно помню. Услышала сигнал, попробовала, а она, картошка, – сырая! Ткнула вилкой – сырая. Посмотрела – вода кипит всюю. Может, уксус или лимонка попала... Нет, нормально. А счётчик – механический, да. И исправен он, знаю наверняка. Был бы сломан, я б печь не смогла. Рецепты у меня есть, годами проверенные, каждая минута при выпечке важна. Включишь его, а он: тик-так, тик-так. Картошка эта кипела час. Целый час. Я даже воду два раза из чайника добавляла. Целый час. Тут я совсем разревелась. И пенсия эта, и картошка... Выключила я – всё равно сырая. Воду слила – кипяток.

И тут смотрю я: Коша мой на столе развалился, лежит на спине, лапу под голову подложил и смотрит на меня... нагло так. Я ведь его ещё маленьким приучила, что б на стол – ни-ни. И вдруг развалился барином. Я ему, конечно, говорю: «Коша, маленький мой, ты же умненький мальчик, разве так можно?» А он, видно, обиделся, спрыгнул на пол и пошёл в комнату. Ну, весь день кривой какой-то.

Пошла я в зал, включила телевизор. Села на диван. Бубнил он, бубнил, телевизор, я и задремала. И слышу сквозь дрему – вода в ванной журчит. Что за ерунда, думаю, ведь утром всё краны проверяла: это на случай, если... ну, сами знаете. Ночью-то не было воды. Поднимаюсь, иду. Вхожу и – замерла. Ванна полна воды горячей – аж пар поднимается. А

в горячей воде Коша плещется. Лежит на спине. Представляете? А я-то знаю, что Коша мой воду горячую терпеть не может. Посмотрел он на меня... строго так и опять плещется. Страшно мне стало.

А тут ещё этот пришёл – писака. Ерунду какую-то спрашивает, из журнала говорит. Про какие-то опоздания рассказывает, несчастные случаи, совсем голову заморочил! Не принимаю я лекарства сильнодействующие, говорила уже, и не буду принимать. Сон – нормальный. Больше ничего такого не было. Но кота этого я боюсь. Забрали бы вы его отсюда...»

– А где он? – спросил участковый.

– Кто? – несколько опешила Зоя Сергеевна.

– Кот, конечно, кто же ещё? – уточнил участковый.

Зоя Сергеевна встала, неуверенно и с нескрываем нежеланием прошлась по комнатам, заглянула в кухню, ванную, туалет. Тип в гражданском неотступно следовал за ней. Участковый сидел на стуле и фиксировал их перемещения движениями головы и шеи. Кота нигде не было.

Тип в гражданском, он же Игорь Устинов, вышел из подъезда, оглянулся, поёжился. Его ждала машина, он сел на заднее сиденье и поспешно позвонил. Быстро изложил ситуацию и затем с минуту выслушивал ценные указания. Реакция была краткой: «Если она есть в списке, то и мудрствовать не требуется. ЭТОТ пропал, чего и следовало ожидать. Но и настоящего нет. Ещё один эпизод».

Глава 8

Сила должна быть безжалостной – холодной и твёрдой, как северный лёд. В противном случае это уже не сила – это то, что побеждено слабостью. А жалость – это та же слабость. Василий Савельевич Переплётчиков, в обозримом давнем прошлом хулиган Васька-Череп, затем в более обозримом – уголовный авторитет города Молокамска Переплёт, а ныне при полном обозрении и оборзении уважаемый экономист-практик, реформатор, поклонник изящных искусств в лице (в лице?) курируемых им подающих надежду балерин и актрис.

После довольно продолжительного, длящегося уже почти два года (после последнего передела власти и собственности) спокойствия Васька Переплёт – а чуйка у него дай бог каждому! – почувствовал опасность. И опасность какую-то новую – «опасную опасность», как он сам для себя определил. Ещё не обложили, но подбираются, его не трогают... но касания лёгкие ощущаются.

Ему прямо не угрожают, но мандраж такой иногда охватывает телеса нехилые, что только и думать остаётся: как бы кто не заметил – будет тогда и авторитет, и коронация, и решающее слово... Опасность подбирается, но откуда – понять трудно. Это были не менты и не конкуренты, хотя бывшие поделщики, а теперь вассалы, опять начали помалень-

ку наглеть и показывать зубы. Какое-то ОНО осторожно и в то же время демонстративно подбиралось к нему, пробовало мягко, пока мягко, прикоснуться к нему, как кошка лапой. Действовало это ОНО умно и жёстко и, как расценил Переплёт, играючи. Что и злило, и пугало.

У делового мента Верещекина в личной машине обнаружилась папка, содержащая подборку материалов, рассказывающая о всех его, Переплёта, деяниях. Хвала всем и всяким вышним и всевышним, что обнаружена она, эта папка, была самым Верещекиным. Подборка настолько полная, что сформировать её мог только сам Переплёт и никто другой.

Подумал Переплёт и призвал на помощь Очкарика. Пришлось ему открыться немного. Тот почитал, подумал и задал вопрос странный и витиеватый: мол, скажи, уважаемый Василий Савельевич, были ли в последние месяцы-недели какие-то дела серьёзные, весомые, этапные? Так и сказал – этапные.

Переплёт сначала не понял, вернее, по-своему понял, что это значит – неловкая возникла ситуация. Но сообразил, и быстро сообразил. Очкарик пояснил. Человек, материал готовивший, безусловно, информирован от «а» до «я». Но обрывается информация, резко обрывается, и отсюда можно сделать вывод простой: опасными данными неизвестный пока объект обладает исчерпывающими, но устаревшими. И вытекает отсюда – была утечка, а теперь её нет. Задумался Переплёт.

Началось с нелепости. Поступили на счёт фирмы Переплёта деньги, небольшие деньги. Назначение платежа: за ритуальные услуги. Затем – ещё несколько раз. Затем атака прекратилась. Слухи распространяются быстро – подчинённые стали посматривать на Переплёта не так, как раньше. Нехорошо стали посматривать.

Чуть позже случился перебор – виски многолетней выдержки. Проспался – с кем не бывает. День промучился, а вечером пришёл баклан из шестёрок и гонит не то что не туда, а вообще не туда – в сторону, куда и направлений-то нет. Рассказал: в тот самый вечер, он, Переплёт, самолично домой к нему зашёл и выпросил – именно выпросил, со слезами на глазах – сто баксов, мол, проигрался в буру, не хватает, долг чести, дворянская кровь... Кентуха-юнец и не понял, что рассказом своим ударил – и очень больно! – ошарашенного авторитета. Никто, никто не знал, что была у него сокровенная мечта – купить себе родословную и титул князя.

Промолчал Переплёт, помрачнел только. А визитёр дальше гонит. Мол, обещал уважаемый Переплёт отдать заём на следующий день, в гости приглашал – и домой, и в офис в любое время. На работу обещал устроить. Заставил Переплёт, удивлённый выше всякой изрядности, всё описать: что ели, пили, о чём говорили, и здесь пришлось выжимать всё до деталей. О чём вспоминали? А вспоминали о том, о чём мог вспоминать только он, Переплёт, собственной персоной и никто иной. Призадумался Василий. Есть такое слово – на-

важдение. Хорошее слово. Может это оно есть?

Нарисовался недавно оффшорный директор – с рекомендациями и процентом вполне приемлемым. Использовать его надо было один раз, для переброски деньжат, минуя обшачковских компаньонов, разумеется. Так этот простак приглянулся, что и убирать его даже как-то и не хотелось – после проведения операции, конечно. И не пришлось: вели его до банковской кассы, а потом он как в воздухе растворился. Зашёл в кабинет к заместителю управляющего и... не вышел. И только на другой день выяснилось, что этот изобретатель затеял с замом скандал, тот вынужден был вызвать «для прояснения обстоятельств» главного бухгалтера, мужчину более чем упитанного. Там их обоих находчивый парнишка на ковёр и положил. Переоделся, загримировался «упитанным» бухгалтером, а полноту, надо полагать, теми самыми пачками «зелени» и обеспечил. Вышел из кабинета, прошёл мимо охраны, небрежно кивнув, одного из пацанов плечом чуть с ног не сшиб и был таков...

И чувствовал Переплёт, что не в деньгах здесь дело: как-то всё просто, как в кино. И правильно чувствовал. Сегодня утром он обнаружил всю сумму в своём сейфе. А сейф этот – надёжней не бывает. И Переплёт впервые в жизни ощутил то, что, наверное, называется ужасом. На мгновение, но ощутил.

Он долго смотрел в открытую дверцу сейфа, затем пересчитал пачки. Дверь в кабинет была закрыта, он это знал точно, но для того, чтобы просто оглянуться, пришлось ущип-

нуть себя за ладонь. ОНО пробралось и сюда, что было практически невозможно. ОНО проникло в его сейф, что было ещё более невозможным: всё шифры и секреты офиса знал только он один. Василий Савельевич уже потом, когда выпил рюмку коньяку и уселся в своё любимое кресло, перебирая варианты возможных объяснений происходящего, даже предположил, что он сошёл с ума: может, сам положил эти деньги, и вся история с банком – плод его воображения...

Он полистал рабочий календарь, просмотрел записи в блокноте. Всё вязалось, всё совпадало. Но на одном листочке надпись, его, Переплёта, рукой: «С головой всё в порядке. Я поцелую тебя мёртвыми губами. Я тебе не шмара». Васька Переплёт упёрся ладонями о стол, его волчий взгляд скользнул по комнате. Он поймал себя на мысли, что ведёт себя так, словно за ним наблюдают. Он чувствовал... не взгляд, нет, он осознавал, что он открыт, как одинокий курортник, отдыхающий на пустом пляже. Никто, никто не мог знать об этой фразе. Это случилось один на один, без единого свидетеля, в лесу. Да, он убил официантку. Да, он считал её своей, но она, к его удивлению, так не считала. Он сначала избил её и когда достал нож, это были её последние слова.

Может, уже тогда за ним следили? Но зачем же так всё усложнять? Если ОНО так всеильно и хочет его погибели, то его бы уже давно не было в живых. Значит, такая цель, по крайней мере, пока, не ставится. Чего же хочет этот таинственный враг? Он хочет запугать его, Переплёта, и вынуж-

дить к бегству? Возможно. Он хочет свести его с ума? И это возможно. В этих двух случаях не надо бояться и не надо теревить свою нервную систему. Не надо. Что касается «надо»... Так вот надо срочно вычислить этого шутника. А для этого нужна фора по времени. И достигается она несложно. ОНО пусть думает, что план его удаётся. Васька Переплёт покажет, что он испугался, впал в депрессию и даже готовится к бегству. Этим он подаст надежду на успешное в понимании таинственного врага развитие операции, чем усыпит его внимание и получит возможность нанести ответный удар.

Итак. Время терять нельзя, но и спешка излишняя делу способствовать не будет. Создать, и создать без промедления – как это сейчас называется? – рабочую группу. Досконально изучить ситуацию – до мельчайших винтиков и шпунтиков. Каждый работает в одиночку, сливает всю информацию лично Переплёту. Версия? Появилась новая тема, надо разобраться, покумекать – этого достаточно: много будешь знать, скоро... А что может случиться скоро, каждый человек, думающий и хоть иногда по сторонам оглядывающийся, знает и без подсказок и напоминаний. Руководитель – Очкарик. Пусть покомандует. А затем – и на отдых можно отправить, вечный отдых. А можно и не отправить – как карта ляжет. Версия для него? Обнаглевшие «варяги». Не поверит, догадается. Пусть – он умный. Но версия всё равно такая. Всё? Пока всё. К делу.

Глава 9

«Стоит помянуть дьявола, как он появится» – вроде так поговаривали во времена былые английские моряки. Вот и сегодня: стоило подумать о дожде, как... Слабый с каждой минутой затухающий ветерок утихомирился, и наступило тревожно—неприятное затишье, которое в сочетании с дальними грозовыми раскатами и явно ощущаемой повышенной влажностью воздуха назойливо нашёптывало: сейчас польёт, сейчас польёт. Ну, и, конечно, накаркало – затишье это самое, что перед бурей. Вода хлынула – как из брандспойта. Почерневшее в минуту небо вспорола на полгоризонта молния. Теперь гроыхнёт, подумал начальник оцепления и внутренне приготовился услышать раскат грома, не забыв при этом отсчитывать секунды: на каком расстоянии гроза? Но громовой вал нарушил мерный шум проливного дождя почти без паузы и заявил о себе настолько раскатисто и основательно, что, казалось, этот грохот плюс ко всем художественным характеристикам наделён ещё и качеством физическим – весом: мягкая, но вполне ощутимая тяжесть легла и голову и плечи, на мгновенье сковала движения. Ребята до нитки промокнули. Да и костёр этот, наверное, зальёт.

Эх, дать бы команду «отбой», но майор тут же погнался от себя прочь эту крамольную мысль: впервые за последние

несколько лет нелепая процедура захвата условного противника выполнялась в сопровождении такого явного и никем не объясняемого прессинга. Вышестоящие товарищи явно нервничали. Явно. И он, человек вообще-то хорошо понимающий, что такое служебная информация, равно как и знающий, что нет ни одной глубочайшей тайны, которая бы рано или поздно не стала коллективным достоянием, осознавал, что, несмотря на всю неуклюжесть и даже нелепость происходящего, пришлось ему и ему людям стать участниками чего-то экстраординарного. И потому скоропалительных выводов не делал и старался не нервничать.

Вся информация, которой он обладал на этот момент, была крайне скудной. В степи обнаружен... костёр. Как он понял из отдельных слов и фраз, костёр какой-то необычный. Задача поставлена простая: оцепить, никого не выпускать, никого не пропускать. Что и было сделано. Какую может представлять опасность в приволжской степи костёр, никто не объяснял. Да, впрочем, объяснять и не должен. Как доложили наблюдатели, пламя шириной метра полтора, да высотой метра три вырывается как бы из земли. А ещё сообщили, что пропущена по спецпаролю в сопровождении самого комдива группа гражданских лиц в «будке» – машине то ли медицинской, то ли что-то из области химзащиты. Последнее не радует: потравят ребят к чёртовой матери, а потом заморочат голову подписками, да беседами, полными намёков, вкрадчивых обещаний и завораживающих недомол-

вок.

Понятно, что нет необходимости делать носителем секретов каждого солдата, ни к чему это, да и ему же от такого широкого доверия может быть только хуже – другого здесь не дано. Но командному составу в мирное время можно доверять? Случись какое ЧП – не обычное, не штатное, ведь никто с места не сдвинется, потому как не привыкли—с ни к доверию, ни к самостоятельным действиям. Что делать тогда, каким звёздам молиться? И если найдётся вдруг какой служака, уверенный в себе и решительный (верится с трудом, но всякое бывает), что ж ему при командирских погонах, дополнительный вес этой уверенности придающих, действовать вслепую, по наитию? А если это очередная покраска газонов, то на кой делать участниками этого казарменного цирка такую уйму народа? В такого рода содержательных мероприятиях можно обойтись и меньшей кровью...

А затем наблюдатели доложили, что «машина с гражданскими ушла», оставив недалеко от костра багрового лицом – надо полагать, от негодования – комдива, слава богу, при плащ-накидке. Тот выждал под дождём минут десять и дал отбой, при этом, будучи в состоянии раздражённом, сказал, неизвестно кому: пусть эти умники свой метан сами и тушат – нам он не мешает. Сказал-то он не так – соседствующие свидетели доложили слово в слово. Но суть его безадресного пожелания была именно такой.

Игорь Устинов, находившийся в командирской будке,

долго смотрел через запотевшее стекло на удаляющийся костёр. Он был искренне рад, что никто из местного начальства не задавал лишних вопросов. Причина радости была банальна: к лишним он относил не те вопросы, на которые не имел желания отвечать, а те, на которые не мог ответить при всём желании.

Глава 10

Ночью бойня разыгралась на складе нешуточная. Это было ясно сразу. Когда в помещении два раза ухнул гранатомёт, и на асфальт посыпались оконные рамы, милиционеры из оцепления поняли, что дело – нешуточное вдвойне. Вмешиваться в разборку было нежелательно – потери большие, а толку никакого.

Стреляный боец из банды Переплёта взрывом гранаты шокирован не был. Но по ушам резануло серьёзно, отдало в затылок, придавило глаза – лёгкая контузия. Он быстро оправился и прикинул, что в пистолетной обойме осталось четыре патрона. Осторожно прошёл вдоль стены, пригибаясь на директрисе стрельбы возможных снайперов. Вот он, покойник.

Осторожно, не убирая палец со спускового крючка, подошёл к лежащему на спине человеку. Опустился на корточки, внимательно осмотрел. Переплёт. Точно Переплёт. Боец попробовал сонную артерию. Теперь ясно – пахана нет. Вернее, он есть, но это уже не пахан – кусок мяса. А это значит, что впереди разборки, передел и прочие прелести. Работы будет много. Боец уловил движение и в одно мгновение понял, что оглушённый взрывом он потерял бдительность: невдалеке стоял человек. На него падал лунный свет – сверху из окна. Стоял спиной и не двигался.

Свой – не свой? Может, кажется? Вокруг стрельба, на улице менты, а этот замер, как изваяние. Изваяние шевельнулось, медленно повернулось и сделало шаг в его сторону. Лунный свет из окна чётко обрисовал и лицо, и фигуру. Боец узнал незнакомца. Посмотрел на покойника, затем – на странно ведущего себя мужчину. Боец не впал в ступор, но чётко осознал, что, если останется жив, да ещё выберется из этой западни, то работы будет точно очень много. Человек понимал, что боец его хорошо видит, понимал он и то, что в любой момент этот ловкий сидящий на корточках парень может выстрелить. Поведение его было неадекватным ситуации. Он улыбнулся и медленно поднёс палец к губам – тихо, не дёргайся.

Боец его понял, к своему удивлению успокоился и всё же украдкой и с опаской глянул на покойника у своих ног. Для полной ясности надо бы сделать контрольный выстрел, так он почему-то решил. Человек словно прочитал его мысли и согласно и выразительно кивнул. Боец незамедлительно сделал труп вдвойне мёртвым.

Стоявшая в оцеплении милиция отметила, что дело идёт к концу – изредка звучали лишь отдельные пистолетные щелчки. Подполковник, обращаясь к молодому оперу Сергею Панину, поинтересовался:

– И где этот Му-Му набрал бойцов? Ведь не было движения, не было!

На что Сергей ответил:

– Он мог их вообще не набирать.

– Откуда же тогда это... этот ночной праздник?

– Он мог действовать один, – упрямо и зло ответил Сергей.

– Ты опять за своё? – подполковник слегка вспыхнул. – Ну, двойник – чёрт с ним! Но он что – спец? Это какой надо иметь уровень?

– Будучи двойником, можно так все замутировать, что и уровень не понадобится, – возразил Сергей.

И, видимо, в его словах был резон. Подполковник согласился:

– Возможно.

– Столкнул лбами. Темно, да и нервы не железные, – продолжил Сергей. – Оба они нам нужны, оба. И они там – увидите.

Подполковник бросил на Сергея взгляд строгий, но уважительный – сам в молодости был строптив. Глянул на часы. Стрельба утихла три минуты назад. Можно было пускать спецназ. И там – хрен с ними со всеми – бандитами, двойниками и строптивыми операми. Лишь бы без потерь.

Таким было предисловие к встрече, состоявшейся днем позднее.

Игорь Устинов не стал усложнять и без того непростое дело – назначил встречу Сергею Панину в парке, на скамеечке. В основном он был знаком с информацией по интересующему его делу, но во всех отчётах явно просматривалось жела-

ние свести громкий инцидент к очередной ординарной бандитской разборке и не давать ходу каким-либо сомнительным и тем более мистическим толкованиям. Такая позиция не удивляла, она была естественной, и посему Игорь вовсе не собирался устраивать дополнительные потрясения там, где и обычных потрясений хватало.

– То есть – необычный двойник? – продолжил разговор Игорь, выслушав предположения молодого опера.

– Очень даже необычный, – Сергей нервничал, в его тоне присутствовал лёгкий вызов. – Я это утверждаю. И дело здесь не только лишь во внешнем сходстве. Поймите... Ну, похож. Ну, грим... О гриме, кстати, в акте экспертизы – ни слова... Есть объективный набор: шутки, присказки, ключевые слова и обороты, интимное поведение, так сказать, жесты... Это уже не внешняя схожесть. Он такого накуролесил. Всю братву развёл, всё окружение Переплёта. Я всё сопоставил. Это – не просто двойник приодетый, да подмазанный. Это – одно и то же лицо.

Игорь был согласен с Сергеем. Он как никто другой осознавал объективность выводов молодого небесталанного парня. Но не мог же он принять его в свои добрые объятия и успокоить примерно следующим образом. Да, так оно и есть, у некоторых людей в последнее время появились дубликаты. Это антинаучно, это алогично, но это так. И об этом надо сейчас же рассказать твоему любимому подполковнику, чтобы тот рассказал генералу, а затем довести эту информацию

до всего личного состава в общем и до каждого гражданина в частности.

Ещё можно было добавить, что недавно одна немолодая дама грохнулась в обморок, встретив на улице своего покойного мужа. Однако гражданин этот оказался родным братом мужа – их разлучили давно и трагично. Однако это земное объяснение вовсе не исключало другие случаи, имеющие формат настолько сложный и разнообразный, что, если даже набраться смелости и начать разговор на эту тему с неподготовленным человеком, всё равно этот разговор окажется неоконченным, так как желанный конец всей этой чертовщины, похоже, находился за пределами понимания и восприятия. Поэтому Игорь предпочёл промолчать и оставить своего интересного собеседника в неведении.

Получалось, что автор этой трагикомедии – Му-му. Когда его подобрали, он только мычал и ни одного слова, тем более фразы не мог произнести. Затем психбольница, затем бегство, затем ошивался в Молокамске, просил милостыню, бормоча что-то невнятное, затем быстро поумнел и пропал...

– Понимаю – бред, – продолжил Сергей. – Мне тоже непросто было согласиться... с самим собой. Но – один... настоящий Переплёт, а второй его полный двойник. Невозможно добиться такого сходства ни легендированием, ни актёрством. Невозможно! Впрочем, вы и сами можете убедиться. Хоть сейчас. Если разрешат.

– Мне – разрешат, – сказано Игорю. – Ты холодильные камеры сам осматривал?

– Да. В одной – Переплёт. А в другой – тот, второй.

– И как ты их различаешь?

– По ранениям.

– То есть?

– Тот, второй, пытался уйти с бойцом Переплёта. Как уж они спелись, не знаю. Боец рванул в подвал, а тот, второй, замешкался, остановился и затем – тоже нелепость какая-то – вышел навстречу нашим. Словно отход прикрыл. Ну, и дыркнули его основательно.

– Так он ещё и герой? – спросил Игорь.

Сергей затравленно глянул на Игоря, Он уже устал от обвинений, намёков, приколов, иронии и прочих проявлений отношения к своей персоне со стороны коллег по работе и начальства.

– Не знаю, если и герой, то не нашего романа.

Глава 11

От звука дверного звонка Виктор Фёдорович вздрогнул. Заметно обрюзгший, с тусоватыми бегающими глазами, он, чертыхаясь, направился к двери. Дом – надёжный, люди в нём живут достойные, потому открыл, не спрашивая. В прихожую весьма нахально протиснулся прилично одетый, не молодой, но молодцеватый гражданин:

– Евгений Харламов. Институт универсальных проблем. Кандидат. Без пяти минут доктор. Возглавляю отдел. Несказанно рад встрече с коллегой по творческим мукам. По мукам творчества, я имею в виду.

Виктор Фёдорович несколько опешил от неожиданного напора:

– В столь ранний час...

Незнакомец нисколько не сконфузился:

– Ранний? Это же чудно, Виктор Фёдорович! Доброе утро!

Ну, что тут скажешь:

– Доброе, доброе...

Женя окинул взглядом прихожую, слегка поморщился и продолжил атаку:

– Я ненадолго. Сам терпеть не могу, когда ко мне вот так. Хе-хе. Но!

Он торжественно указал пальцем в потолок. Виктор Фё-

дорович проводил жест взглядом – на потолке ничего не было. Женя пояснил:

– Дело моё – чрезвычайно важности! И без вашего участия... всю чрезвычайность... жалко и нелепо теряет!

Виктор Фёдорович ничего не понял. Но довольно странная вступительная часть подействовала. Он предложил:

– Проходите, обсудим.

Расположились в зале. Удобные кресла, журнальный столик. Женя достал из бокового кармана пиджака потрёпанную пачку «Беломора», ловко выбил из неё почему-то сигарету. Из другого бокового кармана вынул роскошную громоздкую зажигалку. Вопросительно посмотрел на Виктора Фёдоровича, прикурил и уже затем спросил:

– Миль пардон! Курить можно? Пристрастился, знаете ли, здесь у вас...

Виктор Фёдорович неуверенно пожал плечами, достал из нижнего отделения столика пепельницу, подвинул гостю. Он обычно курил на кухне, но жена в отъезде – что уж тут. Женя со вкусом затянулся, с восхищением посмотрел на сигарету и, как надеялся хозяин квартиры, приступил к делу.

– Цель моего визита – инновации. Ваши инновации, – весомо произнёс Женя и торжественно замолчал.

Виктор Фёдорович понял, что пассивным оставаться нельзя.

– Простите... Какого института?

– Универсальных проблем. Повезло с вакансией. Платят.

Статус приличный. Финансирует несколько банков. Поддерживает Лига наций... Всё путём, – говорил он скороговоркой, при этом оптимистично подмигивал.

Виктор Фёдорович смутился и нерешительно заёрзал в кресле.

– Лига?..

– Лига? Да, шут с ней – с лигой этой. Вы не о том думаете. Вы... Как бы так выразиться убедительно... Вы – автор иницилирующего проекта. С чем вас и поздравляю!

– Вы имеете в виду... – начал Виктор Фёдорович и тут же поймал себя на мысли, что понятия не имеет, что мог гость иметь в виду. Однако визитёр был настроен на продолжение. Он перешёл на торжественный тон:

– Да! Да! И ещё раз – да! Где документы?

Обескураженный Виктор Фёдорович захотел определённости:

– Какие?

Женя пояснил кратко:

– Последние, конечно. Что на техсовете обсуждались. Ранние креатуры рассмотрим в далёком будущем.

– Но... Это – служебная документация, – нашёл в себе силы слегка возразить Виктор Фёдорович.

Незваного гостя это нисколько не смутило:

– Я в этом не сомневаюсь. То, что вы делаете на службе, – это служебное. То, что вы делаете дома, это – домашнее. А если вы думаете дома, а чертите на работе, то тогда – какие

это документы? А если вы, к примеру, творите на балконе, а то и в каком-нибудь другом, вовсе не подобающем столь ответственному процессу месте? На яхте с друзьями, в личном самолёте... блондиночка рядом? – неся эту несуразицу, он игриво подмигнул и продолжил: – Можно посмотреть, дру мой?

Виктор Фёдорович впал в состояние зомби. Сам себе удивляясь, он встал, пошёл в другую комнату и возвратился с большой конструкторской папкой. Медленно разложил на столе чертежи.

Женя наполнился восхищением:

– Колоссаль! Колоссаль! Беллиσιμο! Удивительно: на этой планете, в этой стране, в этом городе, в одиночестве, без поддержки и локтя... Я и не сомневался!

К искреннему восхищению прибавилась торжественность:

– Прекрасный унитаз!

Виктора Фёдоровича покорило такое дилетантство. Он поправил:

– Это биде.

– Биде так биде. В любом случае – оригинальное решение! Сокрушительный авангард!

Женя закрыл папку. Строго и решительно посмотрел на автора проекта. Достал из внутреннего кармана пиджака очки – добротные, модные, дорогие. Надел их. Он был краток.

– Беру. За триста, – решительно сказал он и, заметив за-

мешательство Виктора Фёдоровича, пояснил: – В долларах. Только в долларах.

Это была редкостная удача – втюхать никчёмные, мягко говоря, позаимствованные разработки за такие деньги. Однако Виктор Фёдорович заставил себя поторговаться. Он уже понял, что пришёл к нему какой-то прохвост-заочник. Как ему казалось, ответ был жёстким:

– Пятьсот, – решительно произнёс он. Нервы сдали, и автор проекта учтиво, проникновенно, с расстановкой пояснил: – Подарок хочу себе сделать. Спиннинг... Природа...

Реакция Жени была вполне положительной:

– «Откуда мы пришли, куда свой держим путь...» Помните у Омара Хайяма? Интересно, он рыбалкой увлекался? В вас есть что-то общее.

Женя суетится. Достал правой рукой из-за кресла портфель, поставил его на столик, вынул из него приличных размеров дипломат и выложил его рядом. Виктора Фёдоровича существенно смутил тот факт, что гость пришёл с пустыми руками. Впрочем, мог и не заметить, подумал он. Женя прервал его мысли:

– Здесь пятьсот. Фирма фиников не вяжет.

А затем случилось то, о чём Виктор Фёдорович успел только подумать. Женя быстро встал, сгрёб чертежи, небрежно запихал их в портфель, расшаркался и стремительно попятился к выходу. Виктор Фёдорович пошёл проводить, фиксируя взглядом дипломатик, лежащий на сто-

ле, и пытаюсь понять, о каких финиках говорил нагловатый гость. Прощание было душевным и кратким.

– Чао, мой друг. Желаю вам стать графом и вставать каждое утро с настроением на великие дела. Чудесный иницирующий проект, – сказал Женя, будучи уже в прихожей.

– Я тоже... Почему... Такая встреча... Смывной бачок... Справа... А если человек левша?.. Не так просто... – внёс свою лепту в прощальный диалог Виктор Фёдорович.

Женя изящно выскользнул. Виктор Фёдорович поспешно прикрыл дверь, он услышал, как Женя с прискоком спускается по лестнице и напевает что-то на итальянском языке. Итальянского языка он не знал, но почему-то решил, что это именно так.

Глава 12

Скорость была сумасшедшая. Дома, окна, витрины, киоски мелькали, как в недобром калейдоскопе. Машины – и встречные, и поперечные, и следующие в направлении движения – замерли. Он нёсся по городской улице, как на учебной гонке с препятствиями. Спасибо – научили!

Резко свернул, визг тормозов, арка, поворот и всё – дальше некуда. Две пожарные машины, соседи, зеваки, развёрнутые шланги, от них почему-то идёт пар, и скорая медленно ползёт сквозь толпу зевак и, не смотря на вопящий мысленный призыв обождать, набирает скорость и неумолимо удаляется, оставив бешенный стук сердца, холодный пот на спине и отчаянную надежду. Судя по всему, пожар уже был потушен, но из окна квартиры всё ещё валил чёрный дым.

Лакуна.

И доктор смотрит холодно, не мигая. И прочесть в глазах что-либо невозможно, и читаешь в них то, что хочешь прочитать. И язык не поворачивается, но говорить надо:

– И сколько это может продлиться? Процесс обратимый?

И звучит ответ:

– Мальчик пережил сильный стресс. Всё время говорит про сгоревшие игрушки. Снятся они ему. Делаем всё возможное... На быстрый успех вряд ли можно рассчитывать...

Игорь уже проснулся и разделял сон-воспоминание и явь.

Самолёт стоял на бетонке, пассажиры суетливо пробирались к выходу. Ненавистные сны! Последнее время чаще и чаще – как напоминание: ну, не сиди, не спи, делай же что-нибудь! Реальное, волшебное, сказочное, оккультное, сумасбродное – что угодно, но делай.

Игорь был уверен, что необычные молокамские события получат необычное продолжение. И всё же, выслушав по телефону сообщение молодого опера, замер и несколько минут не мог решить, что делать: чертыхаться или креститься.

Санитара, дежурившего ночью в морге, откачали, затем накачали, затем доставили в отделение пограничных состояний. Инцидент ввёл дежурного медработника в душевный штопор, и потому трудно было судить о его впечатлениях. Они, впечатления, просто отсутствовали: когда его нашли, он был в стельку пьян и спал. Однако обрывки воспоминаний сохранились, что прибавило несколько положительных баллов в пользу употребления медицинского спирта.

Картина нарисовалась следующая. Санитар услышал ночью подозрительные звуки и попёрся в холодильное отделение. Звуки доносились из камеры, где пребывал двойник Переплёта. Затем дверь камеры была выбита мощнейшим ударом изнутри, и пациент, крайне недовольный своим заточением, выбрался на свет. Фигурант осмотрелся, успокоился и вежливо поздоровался за руку с впавшим в ступор санитаром. Поблагодарил его за гостеприимство и внимание к своей персоне, раскланялся и ушёл.

И опять детали. Санитар – изрядно обрусевший армянин. И утверждал этот безвинно пострадавший, основательно подзабывший родной язык, что общался пациент с ним по-армянски. Так что, было, отчего приложиться – сначала к мензурке, затем к колбе, затем к бутылки. Ну и приложился...

Глава 13

Виктор Фёдорович Амбросимов, расставшись со столь странным визитёром, облегчённо вздохнул и тут же одёрнул себя: не расслабляться! Замочек был простой – открыл. И взору его предстали аккуратно уложенные пачки долларов в банковской упаковке. Абсурд продолжался. Осторожно достал и аккуратно разложил пачки на столике. Рассмотрел пачки, купюры. Никак не мог сообразить – сколько? Сосчитал пачки, затем ещё раз и... ещё раз. Разорвал упаковку на одной из них, пересчитал. Запутался. Взял ручку, листок бумаги. Опять пересчитал. Получилось пятьсот тысяч долларов.

Виктор Фёдорович не был эрудитом, но как-то неожиданно ему вспомнилось: "Внезапна радость, как скорбь, ума лишает". А вдруг этот тип сейчас вернётся? Извините, скажет, забыл случайно, зарплату сегодня получил, понимаете ли. И руку тянет – настойчиво так. А я ему по руке, в потом... Виктор Фёдорович настолько ясно представил себе перекошенное болью испуганное лицо недавнего визитёра, что ему стало не по себе: шум какой-то в ушах, ноги обмякли. И видится ещё дальше, за лицом этим, островок песчаный среди голубых волн и профиль прекрасной незнакомки, увиденной однажды им в отделе кадров... Прекрасной и недостижимой. Тогда не достижимой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.